



Наши авторы рассматривают производственный труд в самом широком плане, в разных аспектах и прежде всего — как подготовку квалифицированных кадров рабочих для экономики страны. Источник таких кадров — и школа, и система начального профессионального образования.

Открывает обсуждение первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы четвёртого созыва, доктор философских наук

Олег Смолин: Труд творческий, идущий рядом с образованием, необходим для воспроизводства человека как личности



Во второй половине 1990-х гг. мы, группа членов Совета Федерации и депутатов Госдумы второго созыва, дважды инициировали законопроекты, устанавливаю-

щие меры дополнительной государственной поддержки системы начального профессионального образования. Убедая депутатов Госдумы в необходимости такой поддержки, автор этих строк пытался объяснить коллегам, что экономический кризис не может быть вечным, что рано или поздно он сменится экономическим ростом, и тогда разрушенные «реформами» предприятия ощутят острый кадровый голод, прежде всего, потребность в высококвалифицированных рабочих. Увы, оба закона получили вето президента Ельцина, а для его преодоления не набралось 300 голосов даже в Госдуме второго созыва.

Однако отсюда вовсе не следует, что нужно ограничивать право на высшее образование для всех желающих и способных его получить.

Чтобы стимулировать развитие начального профессионального образования, нужно понять причины его непопулярности, среди которых:

— высокая степень неравенства жизненных перспектив выпускников вузов и профучилищ. Хотя и квалифицированный труд врача, учителя, работника культуры или учёного крайне обесценен, всё же среди преуспевших в жизни бизнесменов абсолютное большинство составляют люди с высшим образованием. Окончивших профучилища среди них практически нет;

— крайне низок уровень социальной поддержки учащихся начального профессионального образования. Если расчётная стипендия студента вуза в реальных деньгах уменьшилась в постсоветский период не менее чем в 3,5 раза, студента ссуза — не менее чем в 7 раз, то учащегося ПТУ — не менее чем в 10 раз. Это очередной пример социальной политики последних 15 лет, основу которой составляет принцип: чем меньше доходы общественной группы, тем активнее их уменьшают. Исключение, пожалуй, составляет печально известный «закон о монетизации», который, среди прочего, пытается решить проблему бедности путём перераспределения доходов внутри низшего класса: от бедных — к нищим;

— престижность умственного труда по сравнению с физическим, которая в постсоветский период не снизилась, но модифицировалась: в рамках умственного труда поднялся (вместе с уровнем оплаты и побочных доходов) престиж труда управленческого и с нуля до небес вырос престиж занятий бизнесом.

Необходимо иметь в виду, что соотношение кадров различной квалификации в составе занятого населения меняется вместе с уровнем экономического развития. По этому поводу невольно вспоминаю свою дискуссию в Госдуме третьего созыва с представителем правительства в связи с обсуждением законопроекта, запрещающего сокращать бюджетные учебные места в учреждениях среднего и высшего профессионального образования. Представитель правительства настаивал на отклонении законопроекта, мотивируя это как раз необходимостью баланса в кадровом обеспечении потребностей страны. По его утверж-



дению, оптимальная структура кадров должна выглядеть следующим образом: четыре выпускника — с начальным профессиональным образованием, два выпускника — со средним профессиональным образованием, один выпускник — с образованием высшим. Мне пришлось возразить. Экономисты и социологи действительно считали такую структуру оптимальной... в 60-х гг. прошлого века! Теперь же наиболее передовые государства (Япония, Бельгия) поднимают вопрос об общедоступном высшем образовании, а футурологи полагают, что в будущем информационное общество смогут войти лишь те страны, которые обеспечат в составе работающего населения не менее 60% людей с высшим образованием и учёными степенями. Понятно, что доля выпускников с таким образованием должна быть ещё выше, чтобы компенсировать более низкий образовательный ценз работников старшего поколения. Прибавлю к этому, что, по американским данным примерно пятнадцатилетней давности, лица с образованием более 14 лет, составлявшие в США около четверти населения, создавали более половины валового внутреннего продукта.

Таким образом, для решения проблем кадрового обеспечения промышленности и сельского хозяйства нужно отнюдь не искусственное сокращение доступа молодёжи к среднему и высшему профессиональному образованию, но совсем другие меры, а именно:

- многократное увеличение государственной поддержки начального профессионального образования, тех, кто в ней работает и учится;
- бесплатное начальное профобразование для взрослых безработных, людей с низкой квалификацией и зарплатой, переселенцев из села и государств бывшего СССР в прямом соответствии с экономическими потребностями предприятий региона или муниципального образования;
- поощрение развития такой многоступенчатой системы высшего технического образования, в рамках которой студент, окончивший первый курс вуза, получает началь-

ное профессиональное образование, второй или третий курс — среднее профессиональное образование. В этом случае вместо недоучившихся студентов страна получала бы квалифицированные кадры рабочих или специалистов среднего звена;

- повышение оплаты труда квалифицированных рабочих, в том числе ограничения неравенства в её уровне между управляющими и управляемыми (в России этот показатель много выше, чем в Европе и Японии).

Осмелюсь напомнить: идея производительного труда как необходимого условия многостороннего развития личности принадлежит не А.С. Макаренко, но глубокой социалистической традиции, начиная с XVI века. Макаренко же на практике доказал её продуктивность. Эта продуктивность подтверждается богатым опытом, в том числе отечественным в советский период и опытом макаренковского движения в постсоветской России.

Однако на заседаниях Комитета по образованию и науке Госдумы четвертого созыва проблемы содержания образования, возвращение труда в школу не обсуждались ни разу. Что касается моей позиции, то она не менялась и, коротко говоря, сводится к следующему:

— современный школьник нуждается не столько в разгрузке, сколько в более разносторонней нагрузке. Из трёх главных составляющих целостной личности: ум, чувства и воля — современная школа пытается развивать лишь одну — ум, да и то не всегда успешно. Поэтому уроков художественного развития, физкультуры и трудового обучения должно стать больше, но их надо вывести за пределы санпиновских норм учебной нагрузки;

— **труд, в том числе производительный, был и остаётся одним из мощнейших факторов развития личности, а все разумные начинания и эксперименты в области трудового воспитания детей и молодёжи заслуживают поддержки государства и общества;**

— содержание и формы трудового обучения должны развиваться, что назы-



ваются, в ногу со временем. Если во второй половине XIX века многостороннее развитие человека виделось классикам марксизма как простая смена физического и умственного труда (один и тот же работник попеременно выступает то как архитектор, то как тачечник), то сейчас доля физического труда в структуре труда производственного постоянно и неизбежно падает. Кстати, и **Макаренко учил своих детей не примитивной работе, но труду высококвалифицированному на современных для его эпохи станках.**

К сожалению, в постсоветской России утрачена ещё одна функция труда, которая активно практиковалась в СССР, а сейчас практикуется на Западе, включая самые престижные учебные заведения. Речь идёт о труде добровольцев (волонтёров), гото-

вых таким образом внести свой вклад в общественно полезные дела. С детства привыкнув к тому, что тимуровские команды и юные коммунары бывают только при социализме, с удивлением и удовольствием узнал, что, например, в учебном плане Йельского университета в США около трети времени студента отводится на волонтерство, включая бесплатную работу в больницах, домах ветеранов, школах и т.п. **Грустно, что под лозунгом движения в цивилизацию мы утрачиваем её ростки в тех областях, где по праву могли бы претендовать на первородство.**

Труд создал человека как род и необходим для воспроизводства его как личности. Если, конечно, это труд свободный, творческий, идущий рядом с образованием.

Школа без производственного труда — проблема не только педагогическая. Дети во все времена подражают взрослым, берут с них пример. С распадом страны, уничтожением прежних идеалов и социальных ценностей, с развалом предприятий бывшие труженики — инженеры, строители, токари и слесари высокой квалификации — стали «челночками», сторожами, продавцами в бесчисленных «бутиках». Престиж производственного труда упал до самой низкой отметки. Сегодня, как и в недавние времена, уличные объявления заповестили призывами: «Требуются! Требуются!! Требуются!!!» И кто? Не менеджеры, не юристы и экономисты, а квалифицированные рабочие! Но восполнять эту острую потребность экономики некому. По опросам социологов, труд на шкале ценностей у нынешних подростков — на последнем месте. Причины такой ситуации анализирует действительный член Российской академии образования

Александр Новиков: При зарплате до 60 тысяч рублей в месяц рабочие места пустуют...



Всю свою профессиональную жизнь я занимаюсь трудовым обучением и профессиональным образованием и меня всегда интересовал вопрос о странной судьбе трудового обучения и воспитания в российской школе — их то признают приоритетом школьного образования (1918-й, 1958-й и 1984 годы), то отменяют (начало тридцатых годов XX века), то «загоняют» на обочину образовательного процесса — как в настоящее время. Ведь сегодня трудовое обучение, назван-

ное некоей туманной образовательной областью «технология», в большинстве школ считается не самым нужным, а то и лишним учебным курсом, который во многих гимназиях и лицеях отменили вообще («занятие не для белых людей»). А производственный труд школьников, как показывают результаты ежегодного конкурса имени А.С. Макаренко, из десятков тысяч российских школ осуществляют всего несколько десятков, может быть, сотен. И то преимущественно в сельских школах и детских домах. Так в чём же дело? Очевидно, есть причины, подтверждающие такое отношение к про-